

ЗАВТРАШНИЙ СЕАНС

Заявка на сказку

Илья АВРАМЕНКО при участии Сергея Попова

Да, друзья мои! Нелегкие времена наступили не только для нас с вами. Они наступили и для героев русских народных сказок — и для Бабы Яги, и для Кошечки, для Чуда-Юда и для Василисы Прекрасной, для Царевны-Лягушки, Колобка и Ивана Царевича. Жить им осталось, по сути, всего ничего. А почему? Да потому, что наши современные дети знают все, что угодно: английский, китайский, персональный компьютер, курс доллара, кризис экономики, монетаризм и дефолт, но только не наши сказки. Дети играют в черепашек-ниндзя, бредят Терминаторами и Бэтменами, воюют с компьютерными монстрами "Quake" и "Doom", а о леших, кикиморах, Змеях-Горынычах, об Иванах-дураках, персонажах и Серых Волках, о Кошечках и Василисах больше не вспоминают. А сказочные герои могут жить, только когда о них знают и помнят, когда в них верят. А когда о них забывают, они усыхают, бледнеют, становятся прозрачными и, потихонечку теряя силу, исчезают.

С этого и начинается наша история.

Герои русских народных сказок собирают Большое Вече. На повестке дня один вопрос — как выжить? Что сделать, чтобы дети снова узнали про наши сказки? Вопрос стоит острее некуда — быть или не быть. Василиса Прекрасная забыта настолько, что уже не может встать с постели и перестала отражаться в зеркале. Семь Богатырей превратились в семь гномов, от Чуда-Юда осталось только Юдо — сутулое, худенькое, со скорбным взглядом, а Царевна-Лягушка, превращаясь по расписанию, смогла превратиться только наполювину. И теперь до пояса она Царевна, а ниже — лягушка. Так и прыгает. Ужас. Баба Яга и Кошечка еще в силе, но это неудивительно — положительных героев забывают раньше.

Все попытки привести детей в чувство, являясь перед ними в их реальном мире, закончились для той же Бабы Яги полным фиаско. Когда она в своей ступе зависла у окон десятого этажа и постучала метлой в стекло, мальчик, сидевший за компьютером, немедленно позвонил папе на мобильник и сообщил, что какая-то тетка старается заглянуть к ним в квартиру через окно, и вид у нее бомжеватый. Папа предположил, что это проники конкурентов и посоветовал сыну не церемониться. Мальчик (к слову говоря, это и был наш главный герой Венька, по прозвищу "Калькулятор") достал помповое ружье и выпалил в Бабу Ягу. С многочисленными пробоинами в ступе та с трудом дотянула до базы. Визит в реальный мир Змея-Горыныча закончился для него еще хуже. Он, на свою беду, попал на любителей китайских петард. Дети, которым наскучили тихие взрывы, заманили Змея на бензocolонку и попросили именно там продемонстрировать умение изрыгать огонь. Наивный Горыныч согласился. Эффект превзошел самые смелые ожидания. Взрывом Горынычу едва не от-

рвало левую голову, чешуя облезла, но самое страшное для него началось, когда подъехали хозяева бензocolонки.

Оставалось только одно — собрать всех детей скопом, в сказочном мире, и преподать им сказки. Вдолбить в головы. Эдакий семинар. Мастер-класс. Когда поверят — будут отпущены назад, в реальный мир, к мамам, папам и компьютерам.

Но собирать детей вместе и куда-то их увести среди героев русских народных сказок не умел никто. Думали наши герои, думали и решили обратиться к западному специалисту. Вспомнили, что есть один такой немец. В Хаммелне, Крысолов. Крысолов долго не колеблясь. «Я, я — сказал он с немецким акцентом. — Помочь русским друзьям всегда можно. За это я попрошу всего лишь один пустячок». Тут Кошечка потребовал слова и заявил, что свое яйцо он никогда не отдаст. А Юдо попробовал было вступить с немцем в длинный и нудный торг, выясняя, что это за пустячок, и нельзя ли, например, за полупустячка, но в этот момент курочка Ряба странно пискнула и снесла не золотое яйцо, а шоколадный киндер-сюрприз. Мышка, как положено, хвостиком махнула, киндер-сюрприз свалился на пол и раскололся. Из него выпал целлюлозный Бэтмен и, погрозив всем кулаком, бочком побежал в кусты. Горыныч, конечно, прибил его лапой, как таракана, но всем стало ясно, что время торгов и разговоров прошло безвозвратно. На условия Крысолова надо было соглашаться незамедлительно. И — согласились. Пообещали сказочные герои отдать Крысолову тот пустячок, который он попросит.

А пустячок — он, как известно любому русскому человеку, и в Африке пустячок. Ну, попросит немец скатерть-самбранку, или сапоги-скороходы, или яблочко-наливное, ну и ладно, у нас, в Русской Сказке, этого добра навалом, не обидеем. И пошел Крысолов, задудел в свою дудку.

Ночью дудел, в три часа.

И пошли дети из квартир, из домов, стали стекаться к метро. Десятки, сотни детей входили в пустые станции. Эскалаторы включались и, моргая лампочками, везли детей в подземелья. Дети спускались молча, с закрытыми глазами. Увел их Крысолов. В иные подземелья, в иную, сказочную реальность. Всех увел. До единого.

А один-то как раз остался. Венька-Калькулятор. Он в три часа ночи сидел в наушниках и учил английский. И дудку Крысолова не слышал.

Тут надо поподробнее про Веньку. В свои 12 лет Венька точно знал, чего он хочет от этой жизни. И также точно знал, что этого он добьется. Поэтому Венька отлично учился, ходил на английский, китайский, занимался боксом и этикетом. «Учись, сынок. Учись!» — подбадривал его отец, «новый русский». — Ты должен добиваться намеченной цели в любом случае. Надо стену лбом пробить — пробивай. Как я. Помни, что нет непробиваемых стен, есть узкие лбы». Венька с отцом соглашался. Он понимал, что не может не выучить урока, потому что неизвестно, как этот, невыученный урок отразится на его будущем. Вся его жизнь была распланирована чуть ли не по минутам на пятнадцать лет вперед. Венька знал, где и когда у него состоится экзамен через пять лет, какой пост он займет через десять лет, и какой — через двенадцать. Через пятнадцать лет он должен был стать президентом банка. Жизнь его была

жестко регламентирована, в ней не было места праздности, ничемным эмоциям и пустым увлечениям. Венька твердо шел к своей цели. Списывать, впрочем, давал. Но — за деньги. Деньги немедленно пускал в оборот. Возврата долгов требовал безжалостно. Не потому, что нуждался в деньгах, а потому, что невозвращение долга в срок — непорядок. Непорядки Венька не терпел. За все это и был прозван «Калькулятором». Прозвище ему нравилось.

Выучив урок английского, Венька уснул в четыре часа утра. В девять он уже шел, насвистывая, в школу.

В классе Венька сидел один. Урок не начинался. Наконец вошла заплаканная учительница и сообщила, что занятия отменяются. Это был непорядок. «Почему?» — спросил Венька. Учительница объяснила, что все дети пропали. Ищут пожарные, ищет милиция. «Как все?» — спросил Венька. — И Мишка Селезнев тоже пропал? — «Все», — вскрикнула учительница. — Ты один остался». «Секундочку!» — сказал Венька. — Как это Мишка пропал? Он должен мне сегодня отдать пять рублей. Не в этом дело, что пять рублей, а просто во всем должен быть порядок!»

И Венька отправился искать Мишку Селезнева. Ему было неважно, где дети, куда и почему они пропали, и как они себя там чувствуют без мам и пап. Ему было важно в срок получить свои деньги.

Уже было известно, что дети стеклись к метро. Туда и отправился Венька.

Там, в метро, Венька столкнулся с бомжонком Левой.

У Левы тоже была своя цель в жизни. Он хотел стать лучшим грабителем банков. Еще он умел плясать, изображать безногого, петля и свистеть. Мог воспроизвести любую мелодию, хоть с начала, хоть с конца задом наперед. Лева был страшно грязен, всегда весел, беззаботен и являл собой полную противоположность Веньке. Может быть, поэтому Венька и Лева «скорее-фанделись» сразу.

Про детей Лева знал все. Он и сам плелся за Крысоловом, поджавшись магии его песенки. Но там, у расступившихся стен подземелья, где начиналась иная реальность, немец и чистюля Крысолов отверг Леву по причине его «грязности и вонючести».

Но его песенку Лева запомнил. Он согласился провести Веньку туда, где исчезли дети.

И они с Венькой попали в Пространство Русской Сказки.

А там уже вовсю кипела работа. Замок Кошечки был превращен в огромную школу. В каждом помещении разместились сказки. В одном Баба Яга летала в ступе, в другом — курочка Ряба из последних сил несла металлические яйца, катался Колобок, Горыныч изрыгал пламя, в мрачных подвалах замка дети всеми доступными способами пытались умертвить Кошечку.

По классам, внимательно оглядывая детей, ходил Крысолов. Он искал свой пустячок. Ни волшебные зеркала и гробенки, ни ковры-самолеты и скатерти-самбранки его не устраивали. А что нужно — не говорил.

Венька-Калькулятор тоже ходил по классам в поисках Мишки Селезнева.

Наконец он его нашел. «Давай пять рублей», — сказал Венька. «Братан! — развел руками Мишка. — Чисто все в порядке. Я башли тебе приготовил, но они дома, в бруксах остались. Ты видишь, в каком виде нас в эту Малаховку привезли!» «Кончай горбатого лепить!» — заорал он Ивану-Царевичу, который

пускал стрелу, и затопал ногами. — Вези домой, в Москву!»

Мишка абсолютно не верил в сказки и был убежден, что все происходит в пионерском лагере в подмосковной Малаховке, где какие-то глупые артисты и фокусники разыгрывают перед ними дурацкое представление. У Дэвида Копперфильда, билет на которого стоил двести баксов, по мнению Мишки, все было гораздо круче.

Между тем некоторые дети, поверив в сказки, уже исчезали из сказочного пространства, возвращаясь назад, в реальность. Сначала одна рыжая девочка с бантами. Потом — сразу восемь, потом — пятьдесят три.

А как они верили? Ну, например, вот так: во дворе Кошечка замка проводила занятия физкультурой. Прыгали через костер вместе со Снегурочкой. Снегурочка прыгнула и — растаяла. «Прощайте, детки!» — донеслось из облачка. Детки остолбенели в изумлении — растаяла! только что была здесь и растаяла! ведь это же... но тут — хоп! дети, поверив, исчезли из пространства сказки про Снегурочку. Или, опять-таки в подвале — засекали по часам, сколько Кошечка просидит под водой в огромном аквариуме. Он сидел, пуская пузыри и читая книжку, и полчаса, и сорок минут. Всплывал, говорил ехидно: «Ну что? Убедились?». А детки ему тут же стрелами из арбалетов — ба-бах! Прямо в голову! Он стрелы из головы вытаскивал и говорил: «Ну как, отличники?». После стрел, как правило, исчезали десятками.

Но мы отвлеклись.

Диалог Мишки с Венькой прервал Крысолов. Увидев Веньку, Крысолов страшно обрадовался. «Я-я! — воскликнул он с немецким акцентом, указывая на Веньку. — Вот он, мой маленький пустячок. Я буду забирать его!»

«Подождите!» — сказали ему герои сказок. — Но это же не пустячок! Это наш, русский мальчик Венька! Как же вы заберете нашего мальчика?»

«Я не понимаю всех тонкостей вашего дикого языка, — заявил Крысолов. — Это есть мой пустячок: Этот мальчик лучше всех немцев! Он такой правильный, такой строгий и регламентированный, что если ему недоплатят хотя бы пфенниг, он никогда не простит, и без всякой жалости уведет всех детей в подземелье! Так, как и положено! Собирайся, мальчик, мы едем в фатерланд, в Германию. Я выращу из тебя достойную смену». (Просто прийти в Москву, подудеть на дудке и увести Веньку Крысолов не мог, потому что волшебство его действовало на пространстве его сказки, там, в Германии. А у нас, в России, он мог хозяйничать только с разрешения наших сказок).

«Ты что, дед, стуканул?» — поинтересовался Венька. — Никуда я с тобой не поеду. Мне сегодня еще на плавание и на китайский. На хрен мне сдалась эта Германия. Ваша система образования уступает английской. И вообще...»

Но Крысолов не стал слушать соображения Веньки. Он достал дудку и заиграл, и Венька, зажмурив глаза и растопырив руки, впал в транс и поплелся за ним, как маленький. Ушли.

А герои сказок развели руками. Баба Яга смахнула непрошеную слезу, а Чудо-Юдо, которое снова в силу вошло, ногами затопало и хотело Крысолова за подлый обман камнем по голове стукнуть, но его удержали. Конечно, Крысолов всех надул, но делать было нечего — пообещали. Волшебное Честное Слово давали.

Правда, подозревали Леву, и каждый герой дал ему что-то из своей сказки — и живую и мертвую воду, и ленточку, и гробеночку, и зеркальце, и сапоги-скороходы и прочее, и прочее. Благословили Леву, и побежал он.

Дудел Крысолов, вел Веньку. На ночь связывал его и запикивал в мешок. А за Крысоловом, в стороне, бежал Лева, хоронясь за кустами. Послушал Лева мелодию, да и насвистел ее с конца, задом наперед. Волшебство утратило свое действие, и Венька пришел в себя. Перемигнулись они с Левой, только Венька виду не подал, так и шел до ночи, как будто околдованный. А ночью они с Левой от Крысолова удрали.

И побежали назад, к замку Кошечки, туда, где был выход назад, в реальность. Бежали они по пустому сказочному пространству, в котором не было героев (все они были в замке на семинаре), но зато было много сказочной атрибутики — и говорящие, кусающие за ноги камни, и живая и мертвая вода, и пустой домик Бабы Яги, и гробенки, которые обращались в густые леса, и ленты, которые обращались в огненные реки. И вот, — самое, может быть, главное — на этом пути, спасаясь от настигающего их Крысолова, Венька и Лева проявляли чудеса взаимовыручки, самоотверженности и жертвенности, и не раз они спасали друг друга, рискуя жизнью. И в конце, добравшись до замка, стали почти как братья. (Специально здесь не пишу подробно, хотя знаю).

Добежали они до замка, смотрят, а там один только Мишка Селезнев остался. Никак он в сказки не поверит.

«Да верь ты скорей!» — кричит ему Венька. — Верь! Это и в самом деле сказка!»

«Не могу!» — разводит руками Мишка. — И сам рад бы, но как на этих клоунов погляжу — совсем не верится!»

А Крысолов уже близко.

«Верь!» — кричит Венька. — Поверь, и я... я тебе долг прошу!»

«Ты? Долг простишь? Ну, Калькулятор, ты даешь! Такое только в сказке может быть!» — вскрикнул Мишка и — хоп! И он, и Венька, и Лева оказались в Москве, в каком-то подъезде.

«Отлично!» — сказал Венька Мишке. — Отдавай пять рублей!»

«Как «отдавай»? — изумился Мишка. — Ты же мне их прости!»

«Так это там, в сказке было!» — объяснил Венька. — А тут у нас, брат, реальность!»

Отдал ему Мишка пять рублей, с процентами за просрочку.

«А с тобой, братан, как раскопаться будем?» — спросил Венька-Калькулятор Леву. — Ста рублей тебе за услуги хватит?»

«Сто рублей!» — засмеялся Лева. — Мелким жмешь!»

Он достал из кармана какую-то задрпанную кепку, надел и исчез.

«Пока!» — сказал его голос. — Я пошел в банк».

«Стой!» — закричал Венька. — Стой! Пообещай, что в мой банк ты никогда не придишь! Пообещай, что мы с тобой не увидимся!»

«Не увидимся, — сказал голос Левы. — Потому что я теперь — невидимый».

«Ладно, — подумав, сказал Венька. — Все-таки ты мне друг. Ты меня выручал. Приходи, когда захочешь. Только позвони предварительно. Я тебе сам, чем смогу, помогу».

Тут и сказки конец.

Закран и сцена —